

Безруков Андрей Николаевич

ДЕЙКТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГЕРОЯ "СКВЕРНОГО АНЕКДОТА" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье обозначена трансформация проблемы героя в малой прозе Ф. М. Достоевского. Базой анализа является текст рассказа "Скверный анекдот". Выявлены отличительные черты персонажа с позицией дейктической модели поведения. Делается вывод о потенциальной детерминации литературного героя, изменении спектра рецепций смысловых координат.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 16-18. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Липская Л. И. Предваряющий дискурс: функции предисловия в современном романе // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 2005. № 2. С. 82-91.
4. Нива Ж. Александр Солженицын: борец и писатель / пер. с фр. В. А. Петрова в сотрудничестве с автором. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.
5. Николсон М. «Да где ж ты была, Дороженька?»: жанровые поиски Солженицына в 40-50-е годы [Электронный ресурс] // Путь Солженицына в контексте большого времени: сб. памяти: 1918-2008. М.: Русский путь, 2009. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1188 (дата обращения: 25.02.2017).
6. Орлицкий Ю. Б. Минимальный текст (удетерон) // Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. С. 563-609.
7. Сараскина Л. И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009. 959 с.
8. Солженицын А. И. Дороженька. М.: Вагриус, 2004. 415 с.
9. Солженицын А. И. Протеревши глаза. М.: Наш дом – L' Aged' Homme, 1999. 368 с.

HEADLINE COMPLEX OF THE POEM BY A. I. SOLZHENITSYN "DOROZHENKA"

Bai Yang

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

missingapril@yeah.net

The article is devoted to investigating the semantics of the headline of the poem by A. I. Solzhenitsyn "Dorozhenka". The researcher analyzes the whole "headline complex" of the poem: chapter titles, epigraphs, author's subtitle. Special attention is paid to the peculiarities of poem's metric pattern. The analysis indicates that all the frame components of the poem in their own way aim to discover the multi-aspect image of a road. In A. I. Solzhenitsyn's early poem the road image represents the real movement of lyrical hero, human's life journey, destiny of a nation and country.

Key words and phrases: poem; A. I. Solzhenitsyn; headline complex; motive of journey-road; epigraphs; author's genre; autobiographical element.

УДК 82.0

В статье обозначена трансформация проблемы героя в малой прозе Ф. М. Достоевского. Базой анализа является текст рассказа «Скверный анекдот». Выявлены отличительные черты персонажа с позицией дейктической модели поведения. Делается вывод о потенциальной детерминации литературного героя, изменении спектра рецепций смысловых координат.

Ключевые слова и фразы: дейксис; поэтика текста; художественный образ; автор; читатель; Ф. М. Достоевский; «Скверный анекдот».

Безруков Андрей Николаевич, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
in_text@mail.ru

ДЕЙКТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ГЕРОЯ «СКВЕРНОГО АНЕКДОТА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Перспектива разверстки социальной детерминации личности происходит в русской литературе XIX века в условиях зарождения новых исторических реалий, контуры которых на тот момент весьма условны. Актуализация проблемы героя у А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского связана с попыткой типологического декодирования образа, коррекцией генезиса намечающегося исторического лица, прорисовкой эстетического концепта человека в целом. Противоречия существования, возникающие у героев Ф. М. Достоевского, в отличие от других писателей XIX века, наиболее фактурно, на наш взгляд, показывают ослабление художественной коннотации *человечности* в мире жизненной правды. **Целевой установкой** данной статьи является попытка интегрировать художественное наследие классика литературы в поток формирования нового эстетического сознания, в противовес классической номинативно-нормативной догматике.

«Скверный анекдот» (1862) Ф. М. Достоевского акцентно вбирает историко-культурную объективность социальных изменений XIX века. Предметной областью писателя, несомненно, является рецепция актуального вопроса о роли и месте *человека* в формировании бытийной картины отечественных реалий. Анализ текста «Скверного анекдота» **методологически** допускает системный, структурный, рецептивный принципы прочтения. Точечный анализ художественных пластов (сюжетный, образный, языковой, стилиевой) не нарушает логики герменевтической интерпретации.

Ситуацией появления в художественной литературе *фигуры нового героя* становится редупликация поля реализма 1830-40-х годов. Проза А. Пушкина, Н. Гоголя векторно меняет отношение читателя к человеческому образу. Принцип мимесиса позволил указанным авторам максимально совместить действительность (естественный фактор) с художественной эстетикой (вариант реальности). Время и пространство, историческая ситуация начала XIX века подвели писателей к тому, что актуальным явлением, онтологически комментирующим объективную реальность, стало изображение естественной человеческой природы. Авторы ориентируются на воссоздание динамики литературного типа, на модель разверстки последнего как характера индивидуального.

Фактурность персонажа складывается из многомерного комплекса новых социально-исторических идей, номинации требований к жизни, манифестации желания существовать, перспективно – действовать.

Художественный образ середины XIX века, при всей номинальной строгости, онтологически изменяется под воздействием **дестабилизации**, как исторической парадигмы, так и эстетики авторского изображения. Для ранней прозы Достоевского субстанциональным является претворение натурального естества своего героя. В этой позиции, несомненно, проявляется влияние на художника принципов «натуральной школы». Он хочет показать жизненность, естественность поступка персонажа. Магистральным становится имманентный анализ психологического фактора личности, того комплекса эмоций, переживаний, гуманистических установок, скрытых в потаенности души. У Достоевского основной формой демонстрации этого являются *сюжет*, специфика *субъектной организации* и собственно звучащая *речь*. Знаковые, фразовые конструкции, произнесение речи-текста, графический формат, эмоциональное усиление реплик, *письмо* как вариация смыслотворчества, нюансные паузы, суггестия – все это включено в объективацию художественной природы героя. Звучащее слово становится тем симулякром, подобием, реинтерпретацией естественной жизни. Художественная инсценировка позволяет выстроить неосознанный, но имманентно-планируемый комплекс поведений. Психология персонажей вскрывается в произносимой ими речи, в особом строении фразы и, как следствие, перспективной реакции читателя на ту или иную звуковую контаминацию.

«Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского открывается фразой, которая и определяет организацию оценки истории, времени, человека: *«Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось... возрождение нашего любезного отечества»* [5, с. 5]. Главный персонаж рассказа, Иван Ильич Пралинский, введен автором в особые сюжетные перипетии, он становится моделью деинтеграции равновеликих полюсов, первично ощущаемых как базис новой модели устройства миропорядка, новой платформы человеческих изменений, усложнения онтологического коррелята личности. Это своеобразный авторский гностический вариант. «Автор не столько дублирует время, сколько ориентирует на проекцию развертывания цепи со-бытий, привлекая тем самым воспринимающего к со-участию» [3, с. 53]. В тексте герой корректируется сложившимся характером: *«Сам Иван Ильич чувствовал иногда, что он слишком самолюбив... подчас на него находили припадки какой-то болезненной совестливости...»* [5, с. 7] – и особыми обстоятельствами действий: *«обновляющаяся Россия подавала ему вдруг большие надежды», «во многих местах успел прослыть отчаянным либералом»* [Там же, с. 8].

Манифестация главного тезиса программы Пралинского относительно усовершенствования мира звучит далее: *«гуманность, и именно гуманность с подчиненными... может послужить, так сказать, краеугольным камнем предстоящих реформ...»* [Там же, с. 8-9]. Силлогизм героя, взятый как форма доказательства своей правоты и истинности, терпит крах в контакте со своим подчиненным – Пселдонимовым, на свадьбу которого Пралинский «попадает из лучших соображений»: *«Дай, думаю, зайду к подчиненному, посмотрю, как мои чиновники веселятся и... женятся»* [Там же, с. 13]. Встреча свадебных гостей с Пралинским несколько их обескуражила, но более всего не был готов к этому главный виновник торжества: *«Он стоял, вытучив глаза, в ужасающем недоумении»* [Там же, с. 16]. *«Мой поступок воскресит в них всё благородство...»* [Там же, с. 14], – этой фразой Пралинский резонирует претензию на «сверхчеловеческую универсальность» [6, с. 170], допускает, что его любовь к подчиненным есть **дейктический комплекс** поступков.

Но фактически с момента появления на свадьбе окружающие не замечают генерала, не принимают и не понимают мотивов, движимых им, порой даже издеваются: *«Студент круто повернулся к нему, скорчил какую-то гримасу и, приблизив свое лицо к его превосходительству на близкое до неприличия расстояние, во все горло прокричал петухом»* [5, с. 27]. Пралинский, конечно же, не может понять произошедшего, даже на реплику пройти за стол произносит: *«– Я... я, право, не знаю... я ведь не для того... я... хотел было уж идти...»* [Там же]. Положение героя, претендующего на статус персонажа-идеолога, становится с каждой минутой все сложнее: *«это была какая-то насмешка судьбы»* [Там же, с. 28]. Но признания того, что сущностным стало событие, которое ситуативно разыграно им самим, не наступает. Достоевский формирует образ, художественно неготовый пока понять разность человеческих типов и характеров, статусов и взаимоотношений. Далее автор перипетийно усложняет развертку сюжета: *«Он опустился на стул, как без памяти, положил обе руки на стол и склонил на них свою голову... Через минуту он встал, очевидно желая уйти, покачнулся, загнувшись за ножку стула, упал со всего размаха на пол и захрапел»* [Там же, с. 34]. Художественный нарратив «Скверного анекдота» завершается формальным примирением сторон, перевод в другой департамент может означать один из возможных выходов для Пселдонимова: *«надо переменить место службы во что бы то ни стало, а оставаться на прежнем невозможно...»* [Там же, с. 41]. Пралинский также не может жить далее, основываясь только на принципах *гуманности*: *«– Нет, строгость, одна строгость и строгость! – шептал он почти бессознательно про себя... “Не выдержал!” – сказал он... и в бессилии опустился на стул»* [Там же, с. 42]. Судьбоносным для него становится именно *случай*, скверный анекдот, трагическая манипуляция собой в пределах онтологически-жизненной правды.

«Скверный анекдот» Достоевского обозначает проблему социального подчинения личности обстоятельствам и условиям, в которых она оказывается. Пралинский противостоять внешнему миру не может, в силу человеческой слабости, малого потенциала имманентного. «В поступке отсутствует момент саморефлекса поступающей личности, он движется в объективном, значимом контексте: в мире узко-практических (жизненно-житейских целей), социальных... и наконец в собственно нравственной области (в мире ценностей узкоэтических, в непосредственном отношении к добру и злу)» [1, с. 206]. Следовательно, парадигмой изменений *нового героя* в наследии Достоевского становится не сама фигура, но восприятие персонажем сферы реалей самой жизни. Сущность героя в идеалистической гуманности, совмещенной с ситуацией и поступком (сказать, озвучить), им совершаемым. Сложность понимания образа в принятии читателем содеянного

персонажем: «...путем выстраивания дискурсивной парадигмы художественности и автор, и читатель... приближаются к расшифровке экзистенциального кода» [4, с. 32].

В заключение хотелось бы отметить, что событийная ситуация «Скверного анекдота» Достоевского позволяет дифференцировать не столько нормированную сторону жизни, сколько оценить, взвесить и реально идеализировать ее этико-качественную составляющую. Фрагментарно-кадровый состав рассказа совмещает в себе историческую реальность с общекультурным ракурсом. Вполне очевидно, что «произведение не столько налично принимается реципиентом, сколько получает свое прочтение в онтологически заданной версии осознания реалий жизни» [2, с. 173]. Модель дейктического поступка героя смещается в сторону большей конкретизации этических, морально-нравственных ориентиров. Ф. М. Достоевский, в отличие от своего идеологического персонажа, стремится показать реальность жизни такой, какой она фактически является. Писатель эстетической проекцией рассказа преодолевает нормативные принципы реализма, расширяет коннотацию поступков героя, погружает в потаенный, порой необъяснимый комплекс человеческого поведения. Следовательно, читатель рецептивно оформляет для себя возможность появления в дальнейших текстах Ф. М. Достоевского эйдологического характера. Что и случилось в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Список источников

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. 957 с.
2. Безруков А. Н. Диссолюция стиля и дискурса в пределах онтологического корпуса художественных нарративов // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 172-176.
3. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста: функциональный аспект. Wrocław: Фонд РПИ, 2015. 300 с.
4. Безруков А. Н. Событие межтекстовой коммуникации: А. Пушкин – Ф. Достоевский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. 2. С. 29-32.
5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. Повести и рассказы 1862-1866. Игрок. 407 с.
6. Лейбов Р. Заметки о «Скверном анекдоте» // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 158-173.

DEICTIC COMPLEX OF THE PERSONAGE OF F. M. DOSTOYEVSKY'S STORY "AN UNPLEASANT PREDICAMENT"

Bezrukov Andrei Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birk
in_text@mail.ru

The article considers the transformation of hero problem in F. M. Dostoyevsky's small prose. The story "An Unpleasant Predicament" served as the research material. The author identifies personage's distinctive features from the viewpoint of deictic behaviour model and concludes on potential determination of literary personage, changing the spectrum of semantic coordinate reception.

Key words and phrases: deixis; text poetics; artistic image; author; reader; F. M. Dostoyevsky; "An Unpleasant Predicament".

УДК 8:1751

В статье рассматриваются вечные темы в «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой: темы любви, смерти и болезни. Автор статьи анализирует эволюцию и трансформацию отношения Г. Кузнецовой к смерти. Рассмотрено восприятие Кузнецовой любви, а также связи между любовью и творчеством. Установлено влияние состояния здоровья автора и И. А. Бунина на творческий процесс.

Ключевые слова и фразы: Галина Кузнецова; И. А. Бунин; «Грасский дневник»; любовь; смерть; болезнь; эмиграция.

Ван Инь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
winwong@mail.ru

ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ В «ГРАССКОМ ДНЕВНИКЕ» ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ (ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ, БОЛЕЗНЬ)

«Грасский дневник» – одно из самых ярких произведений Галины Кузнецовой. В ряду ее творений оно стоит особняком, т.к. это дневник, описывающий ее жизнь в Грассе, на вилле И. А. Бунина, в период с 1927 по 1934 г. Опубликован дневник был намного позже – в 1967 году, что заставляет задуматься о жанровой природе этого текста. Как отмечал А. Бочаров, «есть известная специфика подготовки подобного дневника к печати спустя двадцать-двадцать пять лет после запечатленных событий. Здесь возникает целый ряд вопросов: почему такие дневники принадлежат к документальной прозе, к документальному жанру? Есть ли в них место домыслу и фантазии?» [2, с. 65]. Кузнецова явно готовила дневник к печати, возможно, переработала его, убрала какие-то характеристики, которые могли быть неприятны людям, описанным в «Грасском